

Мечи марычевского типа

В последние годы в междуречье Волги и Урала стало возможным выделить компактную группу случайных находок савроматских коротких мечей или кинжалов¹. Объединение их в особый тип, который по месту первой находки предлагается называть марычевским, диктуется типологическим родством и единообразной орнаментацией перекрестья и рукоятки. Широкие перекрестья бабочковидной или почковидной формы украшены головками хищных птиц или грифонов с четко выделенными глазами, восковицами и спирально загнутыми в полтора оборота огромными клювами. Клинки четырех мечей имеют характерное расширение у основания (рис.).

Рукоятки коротких савроматских мечей с перекрестьем, трактованным в виде головок грифонов:

1 — ст. Марычевка бывш. Бузулукского уезда (по К. Ф. Смирнову), 2 — с. Винновка Ставропольского р-на Куйбышевской обл. (по В. А. Скарбовенко и Р. Б. Исмагилову), 3 — г. Оренбург (по В. С. Горбунову и Р. Б. Исмагилову), 4 — д. Кунакбаева под г. Стерлитамаком (по В. С. Горбунову и Р. Б. Исмагилову), 5 — д. Талачево под г. Стерлитамаком (по В. С. Горбунову и Р. Б. Исмагилову)

Почти все находки локализованы на территории самаро-уральского варианта савроматской культуры, по два меча найдено в Поволжье и Башкирии (близ Стерлитамака), один под

¹ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.—МИА, 1961, № 101, с. 13—14, рис. 1-10; Горбунов В. С., Исмаилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии.—СА, 1976, № 3, с. 229—247, рис. 1-3-5; Скарбовенко В. А., Исмаилов Р. Б. Савроматские акинники из междуречья Волги и Урала.—В сб.: Средневожская археологическая экспедиция. Куйбышев, 1977, с. 77—92.

Оренбургом. Кинжал, найденный в Каневском уезде Киевской губернии, несмотря на ряд особенностей оформления, также может быть включен в состав типа на правах скифской разновидности².

Сопоставим эту группу савромато-скифского оружия с сериями из других районов Евразии, взяв в качестве критерия для сравнения наиболее яркий признак — изображения птиц на перекрестье. Проведенное картографирование позволило помимо восточноевропейской провинции (I) выделить еще две: Минусинскую котловину, Ордос, Луристан (II) и Казахстан, Алтай, Среднюю Азию, Прикамье (III).

В тагарской культуре Минусинской котловины головка хищной птицы часто помещалась на бронзовых ножах в месте перехода от ручки к лезвию. На перекрестьях кинжалов этот мотив представлен относительно бедно, хотя хищных животных и кабанов тагарские мастера изображали там охотно. Манера изображения в целом отличается от савроматской: головки маленькие, клювы не столь сильно закручены, да и перекрестья не такой формы, как у марычевского. Самые ранние минусинские экземпляры с птичьей головкой на перекрестье датируются VII—VI вв., в основном же время распространения их VI—V вв. до н. э.³

Не очень многочисленная, но интересная серия случайных находок бронзовых кинжалов из Ордоса и Луристана⁴. Они имеют простые волютные или зооморфные навершия, бабочковидные или в форме птичьей головки со слегка опущенным вниз острым клювом перекрестья. Последние хорошо объясняют форму некоторых урало-сибирских перекрестий даже в случае, когда сами головки уже не изображены. Птичьи глаза на ордосских перекрестьях переданы концентрическими углублениями, а клювы — вытянутыми приостренными овалами или спиралеобразными фигурами, напоминающими савроматские. Из двух хронологий ордосских кинжалов, предложенных М. Лозром⁵ (III в. до н. э. и позже) и Н. Л. Членовой⁶ (VI—III вв. до н. э.), лучше вторая, основанная на констатации близости северокитайских бронз южносибирским. На более раннюю, чем у Лозра, дату указывает, например, орнаментация рукоятки одного из опубликованных И. Андерсоном кинжалов выступающими за края рельефными птичьими головками, живо напоминающими композицией и стилем головки на

² Мелюкова А. И. Вооружение скифов. — САИ, Д1-4, 1964, табл. 18-5.

³ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 25-12.

⁴ Loehr M. Chinese Bronze Age Weapons. L., 1956, pl. XXXVI-91; Griessmeier Y. Sammlung baron E. y. d. Heydt. Wien, 1936, pl. 83, 84; Andersson J. G. Hunting Magic in the Animal Style. — BMFEA, 1932, 4, pl. VIII-2.

⁵ Loehr M. Ordos daggers and knives. New material, classification and chronology, pt. 1. Daggers. — Artibus Asiae, 1949, p. 50, 51, 64, 65.

⁶ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история...

спинках тагарских ножей VII—VI вв. до н. э.⁷ и сакских акинаков того же времени с Памира⁸.

Следующая провинция охватывает Казахстан, Алтай и Среднюю Азию, т. е. совпадает с территорией сакской этнокультурной общности. Несомненно с ней связано происхождение и двух находок из Прикамья. Сакские кинжалы имеют четко выраженные плоскогрибовидные навершия рукояти с ровным или волнистым краем, перекрестья в виде сердца, овала или, как некоторые тагарско-ордосские, форму птичьих голов с острыми клювами. Рукоятки и перекрестья некоторых кинжалов украшены сходными до некоторой степени с савроматскими композициями сильно стилизованных птичьих головок со свернутыми в спираль клювами, в отношении которых до последнего времени имеет силу необоснованное определение их М. П. Грязновым как геометрического орнамента в виде бегущей волны⁹. Фигурные, волнистые края рукоятей сакских кинжалов, по нашему мнению, объясняются именно размещением по краю рельефных зооморфных изображений, причем типологически наиболее ранние формы известны на отмеченных выше тагарских ножах и кинжалах VII—VI вв. до н. э. из Ордоса и Памира.

Для обоснования датировки сакской серии определяющее значение имеют кинжалы с сердцевидным перекрестьем из хорошо датированных комплексов VI в. до н. э. могильников Бобровский и Нурманбет IV¹⁰. Так же следует, очевидно, датировать и экземпляр из с. Маринское¹¹. Вещевой комплекс из могилы С Ананьинского могильника с мечом сакского типа датирован А. В. Збруевой VI—V вв. до н. э.¹² К более позднему времени относятся кинжалы с гладкими краями рукоятей и опущенными вниз концами перекрестий, повторяющих форму иногда уже отсутствующих головок. При этом фигурки на кинжале с Ташкентского канала уже не закручены в виде спирали, а имеют миндалевидную форму¹³. Ближайшая аналогия этому кинжалу имеется в Котловском могильнике в Прикамье, основные захоронения которого относятся к V—IV вв. до н. э.¹⁴ А. В. Збруева ананьинский и котловский кинжалы считала оригинальной при-

⁷ Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история..., с. 145, табл. 28-9, 10.

⁸ Литвинский Б. А. Древние кочевники «крыши мира». М., 1972, с. 113, 114, табл. 40-4.

⁹ Грязнов М. П. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, 1956, № 61, с. 8—16, рис. 3.

¹⁰ Матвеева Г. И. Погребение воина савроматского времени близ г. Троицка.— АЭБ. Уфа, 1964, т. 2, с. 212—214, рис. 1; Кадырбаев М. К. Памятники тасмолинской культуры.— В кн.: Древняя история центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, с. 343, 381, рис. 66.

¹¹ Грязнов М. П. Северный Казахстан..., рис. 3-2.

¹² Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 101, табл. XXI-1.

¹³ Литвинский Б. А. Древние кочевники..., табл. 40-1.

¹⁴ Збруева А. В. История населения Прикамья..., с. 101, табл. XXI-2.

камской формой оружия¹⁵, но ей не были известны более многочисленные и ранние мечи Казахстана и Средней Азии. Оба рассмотренных кинжала из Прикамья являются юго-восточным импортом, а направление связей уточняется находкой в Зауралье в ярком сакском комплексе уже отмеченного бобровского кинжала. Однако ананьинский мир знал и более близкие мечам марычевского типа формы. Речь идет о бронзовом кинжале из Ядринска, перекрестье которого по трактовке мотива орлиных клювов идентично перекрестьям савромато-скифских мечей¹⁶, а ближайшая аналогия изображениям волка на рукояти имеется на ручке савроматской нагайки из Абрамовки¹⁷. Спиральные же завитки, расположенные по соседству с изображениями волков, идентичны рисункам на сакских мечах. Для сакско-тагарского оружия обычно и навершие ядринского кинжала в виде геральдической фигуры ушастых грифонов. Датируется этот интереснейший кинжал, видимо, VI—V вв. до н. э.

Аналогии другим особенностям формы и орнаментации марычевских мечей встречаются на оружии с Кавказа (расширение клинка у основания, ромбовидный орнамент на рукояти кунакбаевского акинака), из Скифии и Савроматии (навершие марычевского меча с опущенным вниз концом), на кабардино-пятигорских кинжалах (рельефный кружковый орнамент на ручке марычевского меча), на мечах и кинжалах с рукоятками, орнаментированными в духе так называемых кассетных кинжалов Евразии (имитации фигурных закраин рукоятей оренбургского и винновского мечей), и т. д.

Однако самая яркая черта в оформлении мечей марычевского типа — грифоньи головки на перекрестье — находит множество параллелей среди широко распространенных в скифо-савроматском мире изображений так называемых барано-грифонов¹⁸. Этот образ, по мнению К. Ф. Смирнова, складывается где-то на юге не позднее второй половины VII в. до н. э. и уже в конце VI в. исчезает. Такими хронологическими рамками следует ограничить и бытование марычевских мечей, перекрестья которых также трактованы как изображения грифонов в духе скифо-савроматского искусства. Следует отметить особый архаизм формы перекрестий, характерный только для наиболее ранних евразийских мечей. Эти факты хорошо корректируются и другими особенностями марычевских мечей, объяснимыми только с позиций признания их сосуществования с кавказскими мечами эпохи поздней бронзы, с кабардино-пятигорскими мечами и кинжалами, исчезающими не позднее VII в. до н. э.

Каково же отношение марычевского оружия к сибирскому? Говорить о зависимости савромато-скифских мечей от сакско-

¹⁵ Там же, с. 101, 180.

¹⁶ Там же, с. 103, табл. XXXII-10.

¹⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 227.

¹⁸ Там же, с. 216, 217.

тагарских нельзя, поскольку отсутствуют необходимые свидетельства в пользу хронологического приоритета восточного оружия. И тагаро-ордосская, и сакская серии в лучшем случае были одновременны с марычевскими мечами, но никак не древнее их. При отсутствии тождества как в манере изображения птичьих (грифонов) голов, так и самих мечей с этим сюжетом можно говорить лишь о некотором параллелизме в развитии восточно-европейского и азиатского оружия, вызванном, вероятно, обменом и прямыми контактами между племенами эпохи раннего железа.

Н. И. КОРЕПАНОВ

Изображение медведя в искусстве Прикамья второй половины I тысячелетия до н. э.

Образ медведя, наиболее сильного и опасного лесного хищника, играл в эпоху железа важную роль в искусстве и религиозных представлениях населения Прикамья.

Г. Боровка в предпринятом в 20-х гг. положительном опыте типологии скифо-сибирского звериного стиля преувеличил значение мотива медведя в скифском искусстве, считая его своеобразной подосновой кошачьего хищника¹. Уточнение хронологии памятников и генезиса отдельных мотивов показало ошибочность этого положения². А. В. Збруева, тщательно изучив зооморфные образы, отметила, что в Прикамье изображения хищного зверя, прототипом которого был медведь, распространены широко и встречаются на разнообразных предметах. Образ хищного зверя, и прежде всего медведя, который здесь мог также предшествовать мотиву свернувшегося в кольцо хищника, связан с символом солнца и космогоническими мифами. У ананьинцев существовал и культ медведя и представление о нем как о символе умирающего и воскресающего бога, а зооморфные образы носили магический характер и были связаны с пещерными тотемизма³.

¹ *Borovka G.* Scythian art. L., 1928, p. 42, 48, 49.

² *Шкурко А. И.* Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Канд. дис. М., 1975, с. 112—114; *Ильинская В. А.* Современное состояние проблемы скифского звериного стиля. — В сб.: Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976, с. 12.

³ *Збруева А. В.* История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. — МИА, 1952, № 30, с. 132, 134—136, 138, 142, 295.